

О природе нонконформизма Александра Зиновьева

Размышления об эволюции взглядов мыслителя

Значительные изменения взглядов А.А. Зиновьева в конце 1980-х – середине 1990-х годов по вопросам значения коммунистической и западной/капиталистической систем для человечества в XX столетии представляют собой пример радикальной и относительно быстрой трансформации позиции, смены тональности при сохранении общей цельности мировоззрения. Вопрос о причинах этой «революционной эволюции» невозможно адекватно рассмотреть вне прямого обращения к двум проблемам.

Первую из них составляет определение сущности личности мыслителя. Здесь основными точками зрения выступают восприятие Зиновьева либо как *принципиального* нонконформиста, смело критиковавшего все, что не соответствует его убеждениям (скажем, мнение об источнике борьбы с советской действительностью как расхождению между представлениями об идеальном коммунизме и реальном советском социализме), либо *тотального* нонконформиста, недовольного всегда и всем (кроме самого себя!) и желающего постоянно с кем-то и чем-то бороться. Когда исчезает возможность бороться с одними, нужно начинать противостояние с их противниками. По крайней мере можно констатировать выраженный индивидуализм Зиновьева (широко известно его самопозиционирование как «суверенного государства в одном лице»).

Вторая проблема – сущность политико-идеологической платформы А.А. Зиновьева. Здесь есть как явные, почти бесспорные моменты – антиконсерватизм, атеизм, антинационализм (в этническом плане), тяготение к глобальным проектам, – так и дискуссионные. К последним относится его отношение к современному этапу развития западной цивилизации, диалектике свободы и необходимости во взаимоотношениях личности и общества и к коммунизму в принципе. При этом понятно, что будущий автор «Зияющих высот» с юности испытывал психологическое тяготение к умеренному анархизму.

А.А. Зиновьев принадлежал к поколению, которому полагалось верить в воспитательную и преобразовательную силу науки, единство и связь науки и философии, апеллировать к научному авторитету. Отсюда, скажем, его протест против порядков «коммунального» (читай – позднего советского) общества, где «антинаучность, которая глубоко враждебна научности, выглядит более научной, чем сама научность» [5, с. 199]. Два основных подхода оказали основное влияние на выработку его зрелого (начиная с 1960-х годов) мировоззрения: марксизм (в плане убеждения, что на основе правильных средств можно перестроить существующее общество) и социологически переосмысленный логический позитивизм (научно то, что удовлетворяет требованиям логики, задача которой – обработка языка, в том числе онтологических понятий вроде пространства, движения, эволюции).

Тяпин Игорь Никифорович, доктор философских наук, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры философии Вологодского государственного университета. E-mail: i.n.tyapin@mail.ru

Однако логические правила у Зиновьева, разделявшего концепцию «материи языка», постоянно подчеркивавшего в своих работах, что сознание есть явление не менее материальное, чем прочие явления живой и неживой природы, «не открываются людьми в окружающем их внешнем мире, а *изобретаются* [курсив авт. статьи – И.Т.] вместе с изобретением и прогрессом языка» [8, с. 19].

Логика в понимании А.А. Зиновьева – это априорная наука и своеобразная математика для социологии как точной науки, анализа специфики функционирования социальных объединений. По его словам, лишь действенный социологический анализ даст наиболее полное и беспристрастное представление о реальной природе тех или иных социальных феноменов прошлого и настоящего [6, с. 38], позволит формулировать достоверные прогнозы, сделает социальное знание точной наукой.

Методологическими основами данного анализа выступает, во-первых, принцип субъективной беспристрастности, то есть рассмотрение природы явлений, стремление определить их суть вне зависимости от личных симпатий или антипатий, во-вторых, соединение нарративного (выяснение и описание происходивших фактов) и научного (использование объяснение исторического процесса на основе тех или иных концепций) историзма, а в-третьих, разработка и использование оригинального категориального аппарата (отсюда такие понятия, как «человек», «западнизм», «сверхидеология» вместо привычных терминов «общество», «мировоззрение» и т.д., которые, согласно его аргументации, непригодны, поскольку неоднозначны, недостаточно определены и вызывают неконтролируемые ассоциации). Однако не все плоды зиновьевского словообразования на самом деле несут дополнительную научно-смысловую нагрузку, скорее могут сбить с толку, и не только рядового читателя. Так, А.А. Гусейнов считает, что слово «человек» позволяет охарактеризовать социологическую концепцию Зиновьева как своего рода социозоологию, поскольку стада и стаи животных предшествуют человекам [3]. По мнению автора статьи, это не совсем верно: Зиновьев – не соционатуралист, он обращается к общественному сознанию (пусть и однопланово ориентированному), а не рефлексам и инстинктам; массы, по его мнению, инертны, но рассудочны и прагматичны.

Таким образом, методология А.А. Зиновьева, как пишет В.М. Розин, напоминает двухэтажное строение: «верхний этаж» – построение норм научного языка, «нижний» – методов получения социологических знаний, между ними «посредник» – логическая социология [11, с. 154]. Добавим, что эта методология была заявлена мыслителем не только в научных и публицистических трудах, но и в рамках социологических романов-антиутопий, написание которых считается наиболее яркой стороной его творчества. Вопрос в том, в какой степени данная методология реально была реализована Зиновьевым и не является ли его понятийное «оригинальничанье» более способом привлечения внимания, нежели углубления познания?

Данный вопрос возник у автора статьи в связи с противопоставлением А.А. Зиновьевым предшествующей социологии, в том числе марксизму (в XX веке «перелом в самой социальной реальности... оказался настолько значительным, что все учения, в той или иной мере претендующие на ее понимание, стали неадекватными новым явлениям и потеряли смысл» [8, с. 8]) своей теории «фактора понимания» (или интеллектуального фактора), название которой, похоже, выступает отголоском позитивистской «социологии факторов». Ни в одной из своих объемных работ Зиновьев так и не изложил сущности теории в сжатом виде. Максимум, что мы в этом плане имеем, – отрывок, где мыслитель утверждает: «Фактор понимания описывается (выражается) в некоторой совокупности слов, фраз, текстов. Назову это языковое явление учением, не вкладывая в это слово никакого высокопарного смысла. Предметом внимания этого учения являются люди и их объединения. Люди при этом рассматриваются как существа, способные в той или иной мере понимать

свое природное и социальное окружение (свою среду жизни), а также самих себя... Я же предлагаю теорию с единым (некомпилятивным) понятийным аппаратом, организованным в целое по правилам разработанной мною же логической концепции» [8, с. 7–8].

Так или иначе, еще в рамках логической критики в 1970-х годах порядков реального советского социализма А.А. Зиновьев подошел к характерной для различных концепций истории и восходящей к христианскому дуализму идее об изначально существующих в истории человечества и взаимно противоположных силах и тенденциях. В данном случае речь шла о коллективистской и индивидуалистической тенденциях, в борьбе которых и совершается ход истории. И если в период жизни в СССР и в первые годы эмиграции добром для Зиновьева, в духе К. Поппера, было частнособственническое открытое общество, то начиная со времен перестройки («катастрофы», по его известному выражению) он стал склоняться к защите коллективизма и критике западнизма. Критический пафос Зиновьева, которым пронизаны его поздние работы, по утверждению С.Н. Бабурина, является констатацией фактов, необходимой для понимания происходящих социальных процессов и для подлинного решения стоящих перед российским государством и обществом проблем [1, с. 32]. В конце XX века Зиновьев оказался не единственным, кто пытался называть вещи своими именами, но особую остроту его анализу придавало то, что это был особый взгляд – одновременно и изнутри, как бывшего советского гражданина (отсюда – недоступное иностранцам понимание сути многих явлений), и со стороны.

При этом некоторые авторы отмечают, что Зиновьев устойчиво разделял [возникшие задолго до него – *И.Т.*] идеи о том, что Запад всегда стремился не просто к ослаблению, но к разрушению России, а коммунистическая идеология имела определенные предпосылки в общественном сознании русского общества [2, с. 26].

С 1990-х годов и до смерти А.А. Зиновьев постоянно и открыто озвучивал точку зрения о том, что вследствие влияния Октябрьской революции на человечество и конкуренции двух систем Запад вынужденно позаимствовал ряд институциональных достижений социализма и обеспечил собственному населению высокий уровень жизни. Как отмечает Б.Ф. Славин, Зиновьев считал, что «советский период сохранил все лучшее, что было в России в дореволюционное время... За несколько десятилетий после революции в Советском Союзе было создано вновь больше 90 процентов того, что нынешние «реформаторы» унаследовали от прошлого» [12, с. 291]. Отнюдь не начиная идеализировать или хотя бы восхвалять советскую систему, он оценивал ее как лучшее из того реального, что переживала Россия как до, так и после советского периода (здесь, впрочем, можно увидеть переделку известного риторического приема неоллиберализма, когда социальное капиталистическое государство с партийным квазиплюрализмом объявляется строем, не лишенным недостатков, но лучшим из того, что реально возможно).

Упадок, деградацию гибридного постсоветского социума А.А. Зиновьев видел в потере способности к самостоятельному хозяйственному существованию, утрате военной силы, резком падении интеллектуального уровня населения, замещении национальной культуры западнестской псевдокультурой доступных развлечений и предоставленности самим себе, проникновении системы квазиценностей, избавляющей людей от усилий над собой и моральных ограничений.

Пожалуй, переломным моментом в изменении взглядов А.А. Зиновьева на сущность двух систем стало понимание (после многих лет жизни на Западе, видения тотальной идеологизированности западного общества, глубокой «оболваненности» западного массового сознания, стандартизованности и лицемерности западоидов) невозможности радикального идеологического плюрализма в устойчивой социальной системе. Разрабатывая тему идеологии (с нерегулярным использованием, в рамках своей методологии

научнообразного или оригинального словообразования, понятий идеологического текста, идеосферы), мыслитель определяет ее сущность как неизбежный и не связанный напрямую с наукой элемент общественного сознания, культуры, находящийся вне констант истины или лжи. Адекватность идеологии может находиться в любой точке от условных «0» до «1» в зависимости от реальных условий конкретного общества в конкретный временной период. При этом идеология как часть языка, текста сама способствует конструированию определенной социальной реальности.

Трудности идеологического строительства в современной России А.А. Зиновьев выводил из глубочайшего социокультурного раскола общества после разрушения СССР (по мнению автора статьи, во многом аналогичного расколу русского общества после петровских реформ). Современная идеология в России характеризуется Зиновьевым как крах «ценностей прошлых поколений», некритическое заимствование западных ценностей, отсутствие настоящего просвещения, «проповедь религиозного мракобесия», распространение различных псевдоучений, претендующих на роль высокой науки, фальсификация истории [9, с. 165–167]. Поэтому поведение власти, исповедующей прямо или скрыто западнистскую идеологию, постоянный уход от конкретики и реальных действий в вопросах разработки национальной идеи, замалчивание перспективных идеологических разработок Зиновьев считал логичным и неизбежным с точки зрения ее интересов. Между тем избавление России от колониального диктата Запада без разработки новой идеологии, превосходящей общезападную сверхидеологию, с помощью которой хозяева западного мира осуществляют процесс глобализации, то есть покорения планеты, организации правящих сил и вовлечения широких масс в дело мировой агрессии, оказывается, по его убеждению, принципиально невозможным. «То, над чем я работал всю жизнь, – утверждал А.А. Зиновьев, – может стать основой для такой идеологии. Она должна охватить основные проблемы человеческого бытия – что такое человек, что такое сознание, познание, что такое социум и так далее. Я хочу обратить внимание на то, что западный мир не является неуязвимым. Он уязвим. Надо просто узнать его слабые места... Нам надо открыть такую форму братства, совершенно неуязвимую, потому что с этим будут бороться и бороться жестко. Нужно стать неуязвимым. Тогда историческая альтернатива будет» [10, с. 326]. Однако конкретных фундаментальных постулатов и концептов новой идеологии сам Зиновьев ни в одной из своих работ последних лет так и не озвучил, заявляя лишь, что она должна быть «гражданской», «нерелигиозной» и «ненационалистической».

Описание общих контуров институционального механизма функционирования глобального западнистского сверхобщества-сверхгосударства (гораздо более разветвленного, чем КПСС – сверхгосударственная структура СССР), экспансии и устойчивости западной цивилизации в Новое и Новейшее время составляет самое ценное в социологии А.А. Зиновьева с позиций сегодняшнего дня. Хотя анализ структуры «глобального человека» оказался все же менее детальным, чем анализ устройства советского общества в «Зияющих высотах», важно то, что мыслитель постоянно подчеркивал, что политическая стабильность западных обществ на протяжении последних столетий обеспечивается отнюдь не выборностью представительной власти и многопартийностью. Сверхгосударство образует разросшийся аппарат полиции, судов, тюрем, а самое главное – спецслужбы, тайные общества, элитарные клубы, транснациональные корпорации, надгосударственные органы власти, которые на деле никак не контролируются обществом, в ряде случаев вообще не узаконены в праве, но целиком управляют властью видимой, обладая неограниченными финансовыми возможностями, идеологической сплоченностью, дисциплинированностью, широчайшим выбором средств и форм репрессивного подавления и устранения противников глобального миропорядка, включая вооруженные конфликты и полноценные войны [7].

Итак, анархо-индивидуалистское мировоззрение А.А. Зиновьева, вытекающее из эгоцентрического психологического типа, влекло его к поиску идеала справедливости с позиций собственных интересов, следствием чего стал крайний критицизм к любым непосредственно окружающим социальным реалиям. В складе мышления Зиновьева аналитическое начало преобладало над синтетическим, проектным. При этом философ стремился к внешней оригинальности, отказу от авторитетов, а потому непосредственно почти не ссылаясь на иных авторов, не обращаясь к обзору сторонних точек зрения. Переоценка А.А. Зиновьевым социально-политического и культурного устройства СССР и Запада с позиций формально провозглашенных просветительских ценностей научного знания, прогресса, свободы, справедливости, братства народов, была обусловлена сменой наблюдаемых социальных реалий.

Оказавшись в последние годы жизни, на рубеже прошлого и нынешнего столетий, в ситуации практически полной идеологической свободы (от Запада он уже не зависел, особенно после возвращения на Родину, а в России еще сохранялись, по крайней мере для медийных персон и людей с ореолом «пострадавших от советского режима», элементы плюрализма), Зиновьев в своих многочисленных изданиях не представил конкретную программу действий по противостоянию западнистскому глобализму. Дело в том, что будучи все же, если так можно выразиться, альтернативным глобалистом, культурным западником, человеком мира, он не стал обращаться к осмыслению богатого наследия отечественной мысли, наработкам национальной идеи, похоже считая их устаревшими, «мракобесными» в реалиях XXI века. В частности, он предельно критично оценил одно из наиболее оригинальных течений русской философско-политической мысли: «Россия была все-таки европейским творением, и нам выходить за рамки европеизма ни в коем случае нельзя. Мы – европейский народ. И с этой точки зрения евразийство – это гибель» [10, с. 327]). Можно предположить, что гипотетическое обращение Александра Зиновьева к наследию русской философии, к работам Николая Бердяева, Семёна Франка, Ивана Ильина, Георгия Федотова, Бориса Вышеславцева, Льва Карсакина (даже евразийского периода) и др. могло бы создать условия для выработки конкретной стратегии противостояния Западу. Философ призвал «переумнить» Запад. Остается вопрос: как именно это можно сделать?

Литература

1. *Бабурин С.Н.* Зиновьев сегодня // Зиновьевские чтения: Материалы I Международной научной конференции / под ред. О.М. Зиновьевой, В.А. Лукова. М., 2007. С. 29–34.
2. *Болдырев Ю.Ю.* Суверенная личность и любовь к отечеству // Зиновьевские чтения: Материалы I Международной научной конференции / под ред. О.М. Зиновьевой, В.А. Лукова. М., 2007. С. 24–29.
3. *Гусейнов А.А.* Об Александре Зиновьеве и его социологии [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://viperson.ru/articles/abdusalam-guseynov-ob-aleksandre-zinovieve-i-ego-sotsiologii?ysclid=i83erliap1955915793>
4. *Жуковский Д.А.* Эволюция политической концепции А.А. Зиновьева // Социум и власть. 2010. № 4. С. 26–29.
5. *Зиновьев А.А.* Зияющие высоты. М.: Эксмо, 2008. 736 с.
6. *Зиновьев А.А.* Коммунизм как реальность. М.: Центрполиграф, 1994. 494 с.
7. *Зиновьев А.А.* Логическая социология. М.: Социум, 2002. 260 с.
8. *Зиновьев А.А.* Фактор понимания. М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. 528 с.
9. Идеология будущего (встреча с А.А. Зиновьевым) // Свободное слово: Интеллектуальная хроника. Альманах – 2003 / сост. и отв. ред. В.И. Толстых. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 165–167.
10. Мой путь в науке (интервью с проф. А.А. Зиновьевым) // Личность. Культура. Общество. 2001. Т. 3. Вып. 4 (10). С. 278–334.
11. *Розин В.М.* Мышление и творчество. М.: Пер Сэ, 2006. 360 с.
12. *Славин Б.Ф.* «Новая идеология» Александра Зиновьева // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 6. С. 286–308.

Аннотация: Изменение тональности работ А.А. Зиновьева в период «перестройки» и далее является сменой акцентов при сохранении констант мировоззрения, что можно объяснить особенностями склада ума и характера мыслителя. Его позднее наследие представляет собой критику реалий современного социума вкупе с настроениями сожаления относительно краха советского строя. Отсутствие в работах Зиновьева явных попыток выработки позитивной программы противостояния тотальной экспансии Запада в методологическом отношении обусловлено рядом факторов, среди которых существенное значение имеет игнорирование разработок философии Русской идеи.

Ключевые слова: объективность языка, сверхгосударство, западная цивилизация, логика социального знания, глобализм, антиутопия, сверхидеология.

Igor N. Tyapin, Doctor of Philosophy, PhD in History, Associate Professor; Professor, Department of Philosophy, Vologda State University. E-mail: i.n.tyapin@mail.ru

**On the Nature of A.A. Zinoviev's Nonconformism
(Reflections on the Thinker's Views Evolution)**

Abstract: The change in the tone of A.A. Zinoviev's works in the period of "perestroika" and further constitutes a change of emphasis while maintaining the worldview constants and can be explained by the peculiarities of the thinker's mindset and character. His legacy of the later period represents the critique of the realities of modern society with the notes of regret about the collapse of the Soviet system. The absence in Zinoviev's works of any obvious attempts to develop a positive program of opposition to the total expansion of the West is methodologically conditioned by a number of factors, among which quite essential is the disregard of the development of the philosophy of the Russian idea.

Keywords: Objectivity of Language, Super State, Western Civilization, Logic of Social Knowledge, Globalism, Anti-utopia, Super Ideology.